

П.С. Ефименко

**О Яриле, языческом божестве
русских славян**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
П11

П11 **П.С. Ефименко**
О Яриле, языческом божестве русских славян / П.С. Ефименко – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-33600-0

Религиозная литература XIX века.

ISBN 978-5-458-33600-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

свѣтъ весенняго или восходящаго солнца, видно изъ названій *весны*: мало-русскаго «яръ» и чешскаго «гаго». Отсюда названіе хлѣба, сѣемаго весной: малорусское «ярына», великорусское «ярица», чешское «гаг», словенское «garice», польское «jarzyna», и прилагательныя: «яровой», «ягу» («zboze jare»), «ярый» (м. русск. «яра рута»), такъ же «ярець», малорусское названіе мѣсяца мая, нѣмецкое «Jahr» въ смыслѣ года (какъ наше «лѣто» въ смыслѣ годоваго періода времени). Весна и утро — время появленія свѣта и теплоты солнца, возбуждающихъ похоть въ человѣкѣ и животныхъ и стремленіе къ оплодотворенію въ растеніяхъ. Отсюда новое значеніе корня *яр*, — *животная похоть, плотская любовь и оплодотворяющая сила*: ярунѣ — тотъ, кто *ярится*, или тотъ, кто *яритъ*, т. е. механически возбуждаетъ похоть, *ярится* — имѣть похоть. Кромѣ похоти, весенній свѣтъ возбуждаетъ силу, мужество; поэтому корень *яр* у насъ, какъ и въ санскритѣ, означаетъ *силу и мужество*, «ярый» — *сильный и мужественный*, чешское «jarost» — *свяжесть, юношеская сила*. Отъ этого послѣ дняго значенія корень *яр* переходитъ къ значенію *нѣвы, ярости*, такъ какъ у младенчаствующихъ народовъ гнѣвъ проявляется въ физической силѣ.

Судя по вышеизложенному словопроизводству, слово Ярило будетъ означать *быстро распространяющійся весенній или утренній солнечный свѣтъ, возбуждающій растительную силу въ травахъ и деревьяхъ и плотскую любовь въ людяхъ и животныхъ, потомъ — юношескую свяжесть, силу и храбрость въ челоѣкѣ*. Отсюда слѣдуетъ, что Ярило, какъ божество, долженъ быть *богомъ восходящаго или весенняго солнца, богомъ похоти и любви, богомъ произрастителемъ и покровителемъ животныхъ, производителемъ растеній, богомъ силы и храбрости*. Въ такомъ смыслѣ нашъ Ярило тождественъ съ Яровитомъ Гаволянъ, который считался между прочимъ богомъ скотоводства и подателемъ плодородія полямъ. Онъ покрывалъ травю поля и листьями лѣса, оплодотворялъ пшвы и деревья ¹⁾.

Мы знаемъ изъ Риг-веды, что первоначальной, зооморфической формой утренняго или весенняго солнца были *конь и конская ю-*

¹⁾ Срезневскаго, «О языч. богослуж. у древнихъ Слав.», стр. 10—11; Макушева, «О бытѣ и правахъ Слав.», стр. 88.

лови¹⁾, какъ символы быстроты, съ которой распространяется свѣтъ. Конская голова есть символъ солнца, начинающаго появляться надъ горизонтомъ или, по понятію язычниковъ, солнца, рождающагося на свѣтъ, потому что, при рожденіи, жеребенокъ прежде всего выставляетъ на свѣтъ свою голову. Такимъ образомъ и нарождающееся солнце сначала выставляетъ на свѣтъ свою конскую голову.

Представленіе солнца въ видѣ коня обще многими народами; такъ у Персовъ оно представлялось въ образѣ бѣлаго быстробѣгущаго коня, у Скандинавовъ—въ видѣ свѣтлогриваго коня, приносящаго свѣтозарный день человѣческому роду. Въ нѣмецкихъ и славянскихъ сказкахъ упоминается «бѣлый солнцевъ конь», производящій день всюду, гдѣ онъ только появится. Сюда же относятся нашъ «сивка бурка, вѣщій каурка», который питается огнемъ и жаромъ, и чудесный конь съ золотой или серебряной шерстью²⁾. Въ малорусскихъ сказкахъ конская голова признается за живое существо; она живетъ въ лѣсной избушкѣ, построенной на куриной ножкѣ, и приноситъ счастье и красоту тѣмъ, кто исполняетъ ея желанія и услуживаетъ ей; для этого она приказываетъ влѣзть къ ней въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзть³⁾.

Представленіе солнца въ видѣ коня или конской головы образовалось, конечно, прежде другихъ представлений, въ эпоху пастушества. При началѣ земледѣльческой эпохи, когда стали образовываться антропоморфизмъ, народная фантазія соединила прежній зооморфическій образъ съ новымъ антропоморфическимъ, и такимъ образомъ явилось представленіе молодаго красиваго человѣка, сидящаго на конѣ. Представленіе солнца въ образѣ красиваго юноши, разлѣзжающаго на бѣломъ конѣ, существуетъ также во многихъ мифологіяхъ; таковы у Индусовъ Вишну въ аватарѣ Калки, Аполлонъ у Римлянъ, Миера у Персовъ. Въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ сказкахъ постоянно является всадникъ-богатырь, на чудесномъ конѣ. Въ одной русской сказкѣ прямо объяснено, что всадники

¹⁾ См. М. Мюллера, «Сравнит. миф.» въ «Лѣтоп.» Тихонова, кн. V, стр. 76.

²⁾ Бусласева, «Историч. Очерки», т. I, стр. 329.

³⁾ Аонасьева, «Народн. русск. сказки», вып. I, стр. 85—86, вып. IV, стр. 121.

являющіеся на бѣломъ и рыжемъ конѣ,—день и солнце ¹⁾. Нашъ Ярило, если онъ точно есть богъ солнечнаго свѣта, долженъ представляться также въ видѣ всадника на бѣломъ конѣ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы до сихъ поръ воображаютъ его молодымъ, красивымъ человекомъ, разѣзжающимъ на бѣломъ конѣ ²⁾. По преданію Вѣлкоруссовъ, общему со многими другими народами, солнце представляется также въ видѣ женщины ³⁾. Въ женскомъ образѣ представляется и Ярило, что доказывается тѣмъ, что Бѣлоруссы, въ праздникъ Ярила, представителемъ его выбираютъ не парня, а молодую, красивую дѣвушку, которую наряжаютъ такъ, какъ воображаютъ себѣ Ярила, и сажаютъ ее на бѣлаго коня ⁴⁾.

Извѣстный мнѣ, будто солнце, нарождаясь ежедневно и ежегодно, восходитъ по утру и весной прелестнымъ младенцемъ, умираетъ въ полдень и лѣтомъ, а къ вечеру и зимѣ погружается въ море дряхлымъ старикомъ, служилъ причиною того, что солнце въ одно и тоже время олицетворялось въ различныхъ образахъ—младенца, юноши и старика. Нарождающееся солнце изображалось младенцемъ, сидющимъ на рукахъ своей матери (земли). Такъ у Индусовъ младенецъ-солнце возсѣдаетъ на рукахъ Лакшми; у Египтянъ солнце сидитъ на рукахъ Изиды, у Фригійцевъ и у Римлянъ оно изображается съ матерью Цибелою; у Славянъ солнце-младенецъ сидѣло на головѣ Живы или Сивы, у Финновъ на рукахъ Золотой Бабы и т. д. ⁵⁾. Солнце, закатывающееся на западѣ, или солнце осеннее у насъ имѣло также видъ старика: «дѣдушка золотая головушка, серебряная бородушка» играетъ въ русскихъ сказкахъ непоследнюю роль ⁶⁾. На похоронахъ Ярила, умирающаго весенняго солнца, представителемъ его въ обрядахъ избирается обыкновенно старикъ ⁷⁾.

¹⁾ Аванасьева, «Сказки», вып. IV, стр. 135—175.

²⁾ «Прибавленія къ Журн. Мин. Нар. Просв.», 1846 г., кн. I, Древлянского, «Бѣлорусскія преданія», стр. 20.

³⁾ Напр. въ «Сказаніяхъ» Сахарова, т. II, кн. 7-я, стр. 69.

⁴⁾ «Прибав. къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1846 г., кн. I, стр. 21.

⁵⁾ Н. Костомарова, «Слав. мнѣологія», стр. 30—33.

⁶⁾ «Филолог. записки» 1864 г. кн. I, стр. 15.

⁷⁾ Сахарова, «Сказанія», т. II, кн. 7, стр. 91.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Ярило, какъ богъ весенняго или утренняго солнца, представлялся главнымъ образомъ въ видѣ юноши; но нельзя отвергать и того, что онъ изображался и въ видѣ младенца при началѣ весны, и въ видѣ старика при концѣ весны.

Теперь остановимся на мѣстныхъ представленіяхъ Ярила у русскихъ Славянъ и на различныхъ обрядахъ въ честь его.

У Бѣлоруссовъ, какъ упомянуто выше, Ярило является молодымъ красивымъ юношей, разбѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. Онъ всегда покрытъ бѣлымъ плащомъ, на головѣ имѣетъ вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, а въ лѣвой гореть ржаныхъ колосьевъ; ноги у него босыя. Въ честь его празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ, 27-го (не 23-ли?) апрѣля: подъ вечеръ, въ сумерки, толпа дѣвицъ собирается въ какойнибудь домъ, избираетъ изъ своей среды дѣвицу, которую называютъ Яриломъ, одѣваетъ ее такъ, какъ воображаетъ себѣ Ярила, и сажаетъ на бѣлаго коня, нарочно привязаннаго къ столбу. Дѣвушки составляютъ хороводъ, пѣвываютъ длинною вереницею во кругъ Ярила и пляшутъ; каждая изъ нихъ обязана имѣть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Во время теплой и благорастворенной весны этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ, на открытомъ полѣ или даже на нивахъ. При этой забавѣ присутствуютъ и старики. Во время пляски дѣвушки поютъ очень длинную пѣсню, въ которой описываются благотворныя дѣйствія этого бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, раститъ рожь на нивахъ и приноситъ чадородіе людямъ:

А гдѣжъ жъ јѡнъ нагѡю,
Тамъ жытѡ капѡю;
А гдѣжъ жъ јѡнъ ни зырнѣ,
Тамъ кѡласъ зацѣвнцѣ ¹⁾.

¹⁾ «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.» 1816 г., кн. I, стр. 21. Нѣчто подобное встрѣчается въ нѣкихъ малорусскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ Новый годъ, но въ нихъ вмѣсто Ярила представляются св. Василій или св. Илья, которые будто бы ходятъ по полямъ и, помахивая плетью, сдѣланною изъ ржи («жытляна пуга»), зарождаютъ хлѣба. Къ нимъ обращаются съ мольбой: «Роди (зарождай), *боже*, рожь, пшеницу, дѣтей и жеребенковъ». При сѣяніи хлѣба въ Черниговской губерніи машутъ «жытлюю пугою».

Въ Вѣлкороссіи празднованіе Ярила представляетъ нѣкоторыя различія по мѣстностямъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярила во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье несть во гробѣ куклу Ярила, въ видѣ мужчины, со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярила выбирали старика, упивали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составившій главную ихъ забаву въ это время. Въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ праздникъ Ярила совершался въ день Всѣхъ Святыхъ или на другой день Петрова дня, во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицынъ день, въ Нижегородской губерніи—Юни 24, въ день ярмарки, въ Твери—въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Здѣсь дѣвушки и парни собирались плясать и веселиться. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на это гулянье «поневоѣститься». Женихи высматривали невоѣсты, а невоѣсты жениховъ, но однако случались и дурныя послѣдствія отъ поневоѣстыванья. Во время разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями. Ярилино торжество уничтожено стараніемъ архіепископовъ Меоодіи и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, на канунъ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляютъ ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія, послѣне обоюго пола пляшутъ и поютъ въ честь Ярила. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: Люди всѣхъ возрастовъ и обоехъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались, съ разсвѣтомъ дня, за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ иѣсняхъ, пляскахъ и музыкѣ. Среди общаго веселья наряжали мужчину въ пестрое платье, убралъ его цвѣтами и навѣшивал на него ленты и бубенчики; лице его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярила барабаннымъ боемъ. Ярило переважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Енископъ Тихонъ,

искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній истуканъ Ярило. Праздникъ назывался «трищемъ», и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онь начинался въ среду или пятницу послѣ дня сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ ¹⁾.

Въ Малороссіи названіе Ярила не сохранилось, но есть праздникъ, напоминающій Ярилинѣ торжество. Тамъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, народъ собирался послѣ Всесвітскаго заговѣнья погулять у кабака. Здѣсь пѣли и плясали до вечера. По закатѣ солнца, выносили на улицу соломенное изображеніе мужнины, со всѣми его естественными частями, и клали въ гробъ. Пьяныя женщины подходили къ нему и кричали съ воплемъ: «Померъ онъ, померъ!». Мужчины поднимали чучело и произносили: «Эге, баба не бреше! Она знае, що їй солодче меду». Женщины продолжали вопить: «Якій же вѣнь бувъ хорошій та який услужливый». Смотрѣли на него любовственно и говорили: «Не встане вѣнь бѣльше! О, якъ же намъ розстатися съ тобою, и що за жизнь, коли нема тебе! Підимись хочъ на часочокъ; по вѣнь не встае и не встане». Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою. Въ малороссійской пѣснѣ божество, котораго хоронятъ, называется «Кострубонькомъ».

У Великооруссовъ тоже находимъ обряды, напоминающіе похороны Кострубонька. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Троицынъ и въ Духовъ день, а въ Муромѣ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня погребаютъ Кострому. Такъ называется дѣвушка, избранная подругами, собравшимися на условленное мѣсто для совершенія обряда. Кострому кладутъ на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ сами бросаются въ рѣку: купаются, поютъ и дурачатся. Возвратившись съ пѣснями домой, начинаютъ хороводы. Въ Пензенской же губерніи, въ послѣдній день весны, въ Духовъ день, трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись пологами,

¹⁾ По свидѣтельству г. Костомарова («Слав. міеологія», стр. 86), праздникъ этотъ существуетъ въ Воронежской губерніи и по нынѣ: Яриломъ тамъ называютъ истуканъ, одѣтый въ мужское и женское платье вмѣстѣ.

образуютъ изъ себя подобіе лошади. Одна изъ женщинъ наряжается въ солдатскій мундиръ и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвщцы провожаютъ ихъ за село и прощаются съ ними въ ознаменованіе послѣдняго веселія; это называется «проводами весны». Во всю ночь идетъ веселье и пляски. Въ Саратовѣ, во время проводовъ весны, народъ собирается за городомъ; тамъ готовятъ чучело лошади «съ разными грубами атрибутами» и посятъ его взадъ и впередъ по дугу въ сопровожденіи огромной толпы¹⁾.

Указанные факты позволяютъ вывести такое заключеніе, что Ярило, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ кони и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго молодаго человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилу также приписывался и женскій образъ. Ярило, прекрасный юноша, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ и чадородіе людямъ и животнымъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть колосьевъ—знакъ, что Ярило есть произраститель цвѣтовъ и хлѣббовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или *возрожденіе Ярилы*, другой при концѣ весны или *смерть Ярилы*. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностію дни этихъ праздниковъ. Впрочемъ, о первомъ можно утвердительно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностью. Нынѣшній праздникъ смерти весны или Ярила, какъ видѣли выше, совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, наипрѣ въ Троицынъ день, наипозднѣ въ первое воскресенье послѣ Петрова дни; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Троица же бываетъ между 11 числомъ мая и 14 числомъ іюня; Всесвятское заговѣнье, по этому, приходится наипрѣ 18 мая и напозже 21 іюня. Подвижность праздника Троицы и Всѣхъ Святыхъ, конечно, была причиною того, что празд-

¹⁾ Терещенка, «Бытъ русск. нар.» т. V, стр. 99—104 и др., т. VI, стр. 187, 189, 190—191 и др.; также Сахарова, «Сказанія», т. II, стр. 10—92.

пникъ Ярила, съ принятіемъ христіанства, былъ оторванъ отъ опредѣленнаго дня и числа и сталъ передвигаться съ одного числа на другое, съ одного праздника на другой. Праздновать же торжество Ярила въ будній день, а не въ праздничный для новообращенныхъ христіанъ было неловко. Несомнѣнно кажется то, что это былъ послѣдній праздникъ весенній.

По своимъ обрядамъ и идеѣ праздникъ Ярилы наиболѣе подходитъ къ торжеству Адониса. Праздникъ Адониса (солнца) Греки совершали весною два дня: въ первый день носили изображение Адониса, прекраснаго юноши, пѣли унылыя пѣсни, печально играли на флейтахъ и приносили погребальную жертву. Въ Александріи дѣлали изображение мертваго человѣка, несли на погребальныхъ носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. На другой или на третій день совершалось торжество воскресенія или обрѣтенія Адониса, сопровождавшееся шумными и веселыми восклицаніями и оргіями. Праздникъ этотъ совершался то въ мартѣ, то въ іюлѣ мѣсяцѣ. Адонисъ былъ богомъ солнца. Его смерть означала зиму, изображавшуюся въ видѣ вепря, поразишаго Адониса; его воскресеніе знаменовало весну ¹⁾.

Выше было сказано, что чучело Ярила изображало его со всѣми естественными частями, которыя нарочно представлены были въ увеличенномъ размѣрѣ. Мужскіе половые органы вездѣ почти служили символомъ производительности и были, по этому, священными предметами; довольно вспомнить фаллосъ древнихъ и лингамъ Индусовъ. Солнечныя божества всегда изображались съ фаллосами, которые играли немалую роль въ празднествахъ въ честь этихъ боговъ. Таковы Гермесъ, Пріапъ, Вакхъ и др. Извѣстно, что въ праздникъ Вакха одна изъ женщинъ носила большое изображение фаллоса. Египтяне, въ этотъ праздникъ, по словамъ Геродота, употребляли изваянія Вакха, величиною почти въ локоть, сотрясаемыя жилою. Женщины носили эти изображенія по деревянымъ, полаяя дѣтороднымъ членомъ, немного меньшимъ всего тѣла. Для чего же дѣтородный членъ бываетъ больше, и при томъ онъ одинъ движется въ тѣлѣ, прибавляетъ Геродотъ,—сему приводится кака-то

¹⁾ Костомарова, «Слав. мифологія», стр. 49—51.

священная причина. О Гермесѣ Геродотъ говоритъ, что Аѳиняне научились его дѣлать съ прямымъ тайнымъ удомъ отъ Пелазговъ. Причина же, по его словамъ, объяснялась въ самооеракійскихъ таинствахъ ¹⁾. Свѣтъ весенняго и утренняго солнца возбуждастъ на-пряженное состояніе полового органа. Вотъ почему божества весенняго и утренняго солнца, Гермесъ, Ярило и др., представлялись съ прямымъ и увеличеннымъ половымъ органомъ.

Съ официальнымъ паденіемъ язычества не съ разу могло пасть языческое міровоззрѣніе. Приняты были новыя формы, но понятія остались прежнія; надобно было народу старыя понятія вложить въ новыя формы. И вотъ начинается любопытная умственная работа: характерическія черты языческихъ боговъ переносятся на идеалы новой религіи. При этомъ перенесеніи происходитъ смѣшеніе и путаница: черты одного божества передаются многимъ религіознымъ идеаламъ, и на оборотъ, обязанности многихъ боговъ переносятся на одного святаго. Нѣкоторые черты, характеризующіи древне-славянскаго бога Ярила, мы рѣшаемся видѣть въ народномъ представленіи о Егоріи храбромъ. Приведемъ факты.

Св. Георгій у Малоруссовъ называется «Юрій», «Юрко» «Юри», «Юръ», у Червопоруссовъ—«Ирьи» у Поляковъ «Jerzy». Названія эти близки къ корню *яр*, который, въ славянскихъ языкахъ, имѣетъ и форму *юр*. Такъ, по польски «*jurzyć się*»—значить *яриться*, «*juć*—*пу*»—*ярый, похотливый*, «*jućność*»—*ярость, похотливость*. Отъ того же корня происходятъ малорусскія слова: «*юрити, юрю*»—въ смыслѣ «*jurzyć się*»—бѣситься, «*юрность*»—*похоть, своеволие*, «*юркій*»—*своевольный, быстрый, увертливый*. Названіе св. Георгія «Ирьи» также напоминаетъ древнеязыческое божество, тождественное съ Яриломъ. «Ирій», «Ирай» и «Вырій», по малорусски означаетъ мѣсто, откуда весной прилетаютъ къ намъ птицы. Это великорусскій островъ Буянъ (жилище солнца), мѣсто, откуда весной и по утру является возрожденное солнце. Очевъ естественно, что въ древности *мѣсто* восхожденія утренняго и весенняго солнца и *самое* восходящее (т. е. утреннее и весеннее) солнце назывались однимъ и

¹⁾ Исторія Геродота, переводъ Мартынова, 1826 г., кн. 2, XLVIII, стр. 537 и LI, стр. 541.

тѣмъ же словомъ — Ирїй или Ирѣи. И такъ, названія Георгїи — Юрь, Юря и Ирѣи, сближаются съ словомъ Ярило.

Въ Бѣлоруссіи св. Георгїй покровительствуетъ коровамъ: «Юрїй коровъ пасецъ, а Микола коней»; впрочемъ онъ тамъ почитается въ видѣ коня. Дѣвушки пляшутъ около коня и поютъ:

Разыгрався Юря коникъ,
Залаценьки коникъ ¹⁾.

Дѣло доказаннос. что языческіе предки наши сближали понятіе свѣта съ цвѣтами золотымъ, бѣлымъ и краснымъ, а понятія тьмы съ понятіями цвѣта темнаго и чернаго. Оттого солнце представляется всегда въ видѣ животнаго или человѣка цвѣтовъ бѣлаго, золотого или краснаго, а тьма въ видѣ черныхъ животныхъ и людей (чертей). Въ приведенномъ «залаценькомъ коникѣ» нельзя не видѣть весенняго солнца (Ярила) въ первоначальномъ его зооморфическомъ образѣ. Вѣрованіе въ игру солнца весной обще многимъ народамъ индоевропейскаго племени. По русскимъ народнымъ преданіямъ, Георгїй также имѣетъ свѣтлую природу. Волосы у Егорїа что «ковыль-трава» или «желты кудри»:

Молодой Егорїй свѣтлохрабрый—
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды переходя ²⁾.

По другому представленію, Георгїй является въ видѣ бѣлаго всадника, разѣзжающаго на бѣломъ конѣ. По выраженію малорусскаго заклинанія, юри ѣздитъ, «на бѣлому конѣ, бѣли губы, бѣли зубы, самъ бѣлый, въ бѣле одягся, бѣлымъ подперезався» (опоясался) ³⁾. Тоже самое и въ великорусскихъ заклинаніяхъ: «Стоптъ храбръ Егорей и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ, и рукавицы бѣлы, и борода бѣлая, и залучастъ, и загоняетъ (въ ло-

¹⁾ Каравелова, «Памятники народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 215.

²⁾ Якушкина, «Русскія пѣсни», стр. 15.

³⁾ Изъ составленнаго мною рукописнаго собранія малорусскихъ и великорусскихъ заклинаній.